

ИСТОРИЯ ИСЛАМА
Ответственный за рубрику: Асатрян Г. С.
© Исламоведение. 2025. Т. 16, № 1 (63)

HISTORY OF ISLAM
Person in charge of the section: Asatryan G. S.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2025. Vol. 16,
no. 1 (63)

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-1-54-67

УДК 94(57).084.3

Содержание статьи

Информация о статье

Т. В. Котюкова¹

Введение⁵⁵
Новометодная школа глазами
империи⁵⁶
Новометодная школа глазами М. С.
Андреева⁶¹
Заключение⁶⁵

Поступила в редакцию: 02.03.2025
Передана на рецензию: 06.03.2025
Получена рецензия: 20.03.2025
Принята в номер: 25.03.2025

М. С. Андреев о джадидских мактабах в Туркестане: от игнорирования
к сотрудничеству

*Институт всеобщей истории Российской академии наук;
kotyukovat@mail.ru*

Аннотация. Понимание процессов, происходивших в сфере конфессионального образования мусульман, было важно для имперской политики России в Туркестане. В статье описано выстраивание отношений между администрацией Туркестанского генерал-губернаторства и педагогами-джадидами, пропагандировавшими так называемый «новый метод» преподавания в мусульманских школах. В 1915 г. в газете «Туркестанские ведомости» вышел цикл статей инспектора народных училищ Туркестанского края М. С. Андреева под общим названием «Новометодные мактабы в Туркестане». В них на примере работы школы Мунаввар Кары Абдурашидханова в Ташкенте анализировались положительные и негативные тенденции в новой системе школьного образования мусульман. Эти статьи разрушали серию стереотипов об образовании в Туркестане. В отличие от высокопоставленных чиновников краевой администрации, М. С. Андреев не сомневался, что будущее туркестанского мусульманского образования за новометодными школами, в которых он не усматривал никакого антагонизма с государственными интересами Российской империи.

Ключевые слова: Туркестан, Михаил Степанович Андреев, Мунаввар Кары Абдурашидханов, новометодные школы, мактаб, джадида, история Средней Азии, образование.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-1-54-67

UDC 94(57).084.3

Content of the article

Information about the article

Т. В. Котюкова²

Introduction.
The New Methodist School through
the eyes of the Empire.
The New Methodist School through
the eyes of M. S. Andreev.
Conclusion.

Received: 02.03.2025
Submitted for review: 06.03.2025
Review received: 20.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

¹ Татьяна Викторовна Котюкова – старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, к. ист. наук, доцент.

² Tatyana Viktorovna Kotyukova – Cand. Sc. (History), senior researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

M. S. Andreev on Jadid Maktab in Turkestan: from Ignoring to Cooperation

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;
kotyukovat@mail.ru

Abstract. Understanding the processes that took place in the sphere of confessional education of Muslims was an important part of the imperial policy of Russia in Turkestan. This article is devoted to a little-studied topic – the development of relations between the administration of Turkestan Governorate-General and Jadid educators who promoted the so-called “new method” of teaching in Muslim schools in the last years of the Russian Empire. In 1915, the Turkestan News newspaper published a series of articles by M. S. Andreev, the inspector of public schools of the Turkestan region, under the general title “New Method Maktab in Turkestan”. The author, through the example of the work of Munavvar-Kary Abdurashidkhanov’s school in Tashkent, analyzed both positive and negative trends in the new system of school education for Muslims. M. S. Andreev’s articles challenged a number of stereotypes about such education in Turkestan. Unlike high-ranking officials of the regional administration, Andreev had no doubt that the future of Turkestan Muslim education was with new-method schools, and he did not see any contradiction to the state interests of the Russian Empire therein.

Keywords: Turkestan, M. S. Andreev, Munavvar-Kary Abdurashidkhanov, new method schools, maktab, Jadid, history of Central Asia, education.

Введение

В 1915 г. в «Туркестанских ведомостях» вышла серия статей М. С. Андреева, инспектора народных училищ Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства, посвященных важным и злободневным вопросам жизни Туркестана. Отдельный цикл – «Новометодные мактабы в Туркестане» [19] – был посвящен новациям в образовании мусульман и включал в себя следующие статьи: «Учебники для обучения родной сартовской³ грамоте и языку» [21], «Пение по сборнику песен “Адабият”» [22], «Учебники по географии и арифметике» [23], «Учебники для изучения мусульманской религии: священная история и катехизис» [24] и, наконец, «Разбор остальных учебников. Взгляд на новометодные мактабы Мунаввара-Кары Абдурашидханова. Дальнейшее существование новометодных мактабов» [25]. При всем обилии и разнообразии исследований, посвященных истории образования в дореволюционном Туркестане, истории джадидизма, жизни и научной деятельности самого М. С. Андреева, его статьи о новометодных мактабах, остались практически не замеченными и не изученными [3, с. 43–68; 4, с. 65–80; 7, с. 22].

Андреев был представителем второго поколения так называемых русских туркестанцев. Родился и вырос он в Ташкенте, а не приехал из Европейской части России. Учился в Ташкентской мужской гимназии, затем в Туркестанской учительской семинарии. По собственной инициативе стал заниматься изучением арабского, персидского и узбекского языков с мударрисом ташкентского медресе Ишан Кули-додхо. В 1894–1896 гг. был практикантом по восточным языкам в Ташкентской учительской семинарии и в Ташкентском реальном училище, для которого он составил учебное пособие по узбекскому языку.

В последующие годы Андреев участвовал в нескольких крупных научных экспедициях за пределами края, в том числе в Индию. В 1914 г. по возвращению в

³ *Сартами* до середины 1920-х гг. называли оседлое, преимущественно городское население Туркестана.

Туркестан он был назначен инспектором народных училищ Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области. В его ведении находилось, по одним источникам, 9 русских, 2 русско-туземные школы, 9 медресе и 700 мактабов, по другим – 15 приходских и 5 русско-туземных школ, 3 железнодорожных училища, 61 медресе и 666 мактабов [3, с. 68].

С установлением Советской власти Андреев стал комиссаром народного образования Ходжентского уезда, а в ноябре 1918 г. – возглавил Туркестанский Восточный институт. Его активная деятельность в Туркестанском восточном институте, а затем на восточном факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ) продолжалась более двадцати лет. С 1943 г. Андреев руководил отделом этнографии Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, а в 1947 г. переехал в столицу Таджикской ССР г. Сталинабад (ныне Душанбе), где занимался организацией Музея археологии и этнографии и работал последний год жизни.

Новометодная школа глазами империи

Политика Российской империи в отношении ислама в Туркестане и его институтов выстраивалась на протяжении 50 лет, но так и не приобрела законченной формы, пройдя путь от игнорирования ислама до борьбы с исламом на фоне пост-андижанского синдрома, вызванного антирусским восстанием в Андижане в 1898 г. под предводительством Дукчи-ишана.

В первое десятилетие XX в. наметились контуры нового стратегического подхода к решению мусульманского вопроса в Туркестане, согласно которому проводником имперских интересов в крае должна была выступать система образования, включавшая обязательное освоение коренным населением русского языка. Именно через язык, а значит через школу, империя предполагала интегрировать с собой огромный по территории и населению Туркестан.

Сфера народного образования была важной частью мусульманского вопроса и соответственно государственной политики Российской империи в Туркестане. Мактабы и медресе давали знания, отвечающие требованиям подавляющего большинства туркестанской уммы, позволявшие из поколения в поколение воспроизводить традиции. Эта система болезненно реагировала на любые попытки реформирования, категорически не допуская их. Поэтому не имперская власть, а сам местный социум должен был предложить новую модель образования. Потребность в новой школе в крае возрастала по мере его модернизации и развития новых общественных отношений. Организационной формой сближения традиций и новаций в сфере образования стали русско-туземные школы, продвигаемые русской властью.

Русско-туземные школы были проектом, инициированным во второй половине XIX в. Н. И. Ильминским с целью объединения национальных окраин империи. Русско-туземные школы в Туркестане, учебная программа которых сохраняла изучение Корана, основных догматов ислама и арабского языка, рассматривались как важнейший инструмент интеграции, с сохранением основных элементов местной, прежде всего религиозной идентичности. В них представители коренных народов обучались с русскими детьми и на русском языке, одновременно изучая и родной язык.

В начале прошлого века во многих мусульманских государствах активно шел процесс модернизации и реформирования традиционной мусульманской школы, инициированный самим мусульманским социумом, столкнувшимся с осознанием своего серьезного научно-технологического отставания от европейских народов. Лидерами этого процесса в Российской империи стали

джадиды Крыма и Поволжья. В учебную программу новых джадидских школ при сохранении традиционных дисциплин включаются русский и европейские языки, естественнонаучные дисциплины и т. д. Джадиды были солидарны с имперской властью в том, что выход из «исторического тупика» заключается в просвещении, но с одной поправкой – с сохранением ислама как обязательной части не только воспитательного, но и учебного процесса. Отказаться от конфессионального образования, совсем отделить религиозное образование от светского в начале XX в. не готовы были ни джадиды, ни российский мусульманский социум. Туркестанские джадиды признавали обязательность изучения русского языка и призывали к этому мусульман Туркестана, что было не просто формальной уступкой власти, а осознанной необходимостью, позволявшей региону полноценно встроиться в дискурс догоняющей модернизации.

Новометодные мактабы появились в Туркестане еще в конце XIX столетия. Краевая администрация относилась к ним как к конфессиональным школам. С их появлением Туркестанская администрация оказалась в своеобразном тупике. Она не могла решить, казалось бы, простые вопросы: относиться к джадидским новометодным мактабам так же, как к старым конфессиональным школам, или найти какие-то новые подходы, в частности в вопросах контроля; несут ли новые школы потенциальную угрозу русскому имперскому проекту в Туркестане; джадиды-мактабары являются врагами русского государства или могут стать его союзниками?

Не найдя однозначных ответов на эти вопросы и не дожидаясь законодательного решения вопроса в Петербурге, туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов ввел свой, неофициальный надзор за мусульманскими учебными заведениями для постепенной подготовки населения к контролю в этой сфере со стороны государства. По мнению генерал-губернатора, государство должно рано или поздно начать их контролировать, и поэтому он распорядился каждые полгода составлять дневник посещений новометодных школ, начиная с 1 апреля 1911 г. [8].

На что в ходе проверок нужно было обращать внимание в первую очередь? На отсутствие в школах преподавания русского языка, на книги турецкого издания, запрещенные российской цензурой, на количество преподавателей-татар. Проверяющий должен был отрабатывать официальные и неофициальные сообщения о нарушениях во внутреннем укладе жизни учебного заведения, если, по его мнению, они противоречили государственным интересам [9].

Между туркестанскими и татарскими новометодными мактабами существовали тесные связи, а татарский фактор сам по себе играл очень важную роль в национальной политике Российской империи в Туркестане. Рост его влияния, с одной стороны, сдерживали власти, с другой – местные традиционалисты-консерваторы, для которых не только татарская интеллигенция, но и татарское мусульманское духовенство были слишком прогрессивными и модернистскими, особенно в части отношения к женскому вопросу. Так, в 1913 г. в оренбургском журнале «Шура» вышла статья Ахмуллы Хайрулло «История джадитского метода в Туркестанской области», в которой рассказывалось о татарине Салахитдине, прибывшем в город Коканд обучать местных детей «методом савтия» («звуковым методом»). Учитель Салахитдин быстро заслужил авторитет в местной мусульманской среде. Обучаемые им дети уже спустя полгода демонстрировали хорошую успеваемость [15, с. 109–111]. Число детей в школе Салахитдина увеличивалось, но с января 1911 г. согласно новому законодательству ученик и учитель в мактабе должны были быть одной национальности и татарские учителя больше не могли обучать детей туркестанских мусульман.

Это решение властей можно трактовать как охранительное и алармистское, т. к. татаризация системы новометодного образования в Туркестане, представленная двумя важнейшими компонентами – учитель и учебник, могла на практике углубить раскол, уже имевшийся внутри мусульманского туркестанского социума. Но это же решение по сдерживанию татарского влияния имело и ряд позитивных последствий. Учителя-татары и открытые ими татарские новометодные школы были более конкурентоспособными. И поэтому такой своеобразный протекционизм со стороны российского государства, на наш взгляд, в значительной степени способствовал развитию и укреплению как самого туркестанского джадидизма, так и национальных модернизационных проектов народов Туркестана.

Население Туркестана оценило новые школы. В одном только Ташкенте за несколько лет открылось около 15 новометодных мактабов с 1,5 тыс. учащихся. Но давало ли это власти основание считать эти школы народными? Так, в одном из писем министра внутренних дел Н. А. Маклакова в сентябре 1913 г. отмечалось, что в действительности нет никаких оснований считать, что новометодные школы превращаются в народные, но нет сомнения, что действия, проводимые сторонниками реформы школьного образования мусульман, дадут свои результаты [26, с. 653–670].

Персидская и младотурецкая революции первого десятилетия XX в. усилили интерес Российского правительства к внутреннему Востоку. Одним из направлений национальной политики стала борьба с панисламизмом и пантюркизмом, под которыми в России понималось всякое проявление культурно-политического самосознания мусульман. Поэтому нередко в сознании чиновников происходило слияние всех «измов» – джадидизма, панисламизма, пантюркизма – в одно целое, очень враждебное по отношению к Российской империи, способное дестабилизировать ее изнутри и помешать начавшейся интеграции Туркестана в большое имперское пространство.

Опасения не были случайными или совершенно беспочвенными. В 1909 г. в Константинополе было основано Научное Бухарское общество, которое явилось органом отдела народного просвещения младотюркского комитета «Единение и Прогресс». При его посредничестве турки поддерживали отношения с Бухарой и Кашгаром, действуя тем самым в «мягком подбрюшье» России и Китая, где вербовали учеников, которых затем размещали в военных и других правительственных школах Константинополя. По донесениям Российского императорского посольства в Константинополе, помимо общей программы преподаваемых предметов, ученикам внушались «все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма» [10]. Туркестанское экспертное сообщество не исключало и личных связей мактабдаров новометодных школ с Турцией, хотя прямых доказательств представить не могло [11].

Обычно там, где открывалась новометодная школа, дети из традиционных мактабов переходили в нее, и старые школы, оставшись без учеников, вынуждены были закрываться. М. С. Андреев отмечает, что в махалли (квартале) Катар-Тал старого Ташкента до открытия новометодного мактаба Мунаввара-Кары существовало четыре мактаба старого типа, а потом не стало ни одного – все дети махалли перешли в новую школу [19]. Такое нередко порождало в среде мактабдаров нездоровую конкуренцию и, как следствие, доносы друг на друга. Помимо противостояния традиция–модернизм существовала конкурентная борьба внутри самой среды мактабдаров-джадидов. В краевую администрацию регулярно поступали анонимные письма как на русском языке, так и на узбекском, сообщавшие о крамоле и антиправительственной пропаганде в новометодных

школах. Они могли быть, с одной стороны, отражением вражды на почве конкуренции, с другой – заказными провокациями.

3 сентября 1910 г. и. о. главного инспектора народных училищ Туркестанского края Н. П. Остроумов направил управляющему Канцелярией туркестанского генерал-губернаторства В. А. Мустафину перевод анонимного письма, где подробно описывалась «противоправительственная деятельность старшего учителя новометодного мактаба Ташкента Мунаввара-Кары Абдурашидханова». С одной стороны в письме Мунаввару-Кары приписывались различные «неблагоприятные» для русской власти действия, которые освещались не только в русских мусульманских газетах, но и в турецких [12]. С другой стороны, согласно агентурным сведениям Туркестанского районного охранного отделения, Мунаввар Кары Абдурашидханов предстает как сторонник русского присутствия в Туркестане. Первое время, когда он ввел в своей школе преподавание русского языка, его называли «кяфир-кары» [13]. Н. П. Остроумов отмечал, что рассчитывать на сочувствие местных жителей Мунаввар Кары Абдурашидханов пока не может, поскольку он был бит туземцами за одну свою статью, в которой резко отзывался о туземных учителях (мударрисах) [14]. У него вполне могли быть недоброжелатели и в ближайшем окружении.

Сообщения о крамоле в среде мактабдаров-новометодников приходили и на русском языке. Например, в ноябре 1908 г. инспектор Ташкентской учительской школы Александр Горичкин, состоявший в распоряжении ревизовавшего Туркестан сенатора К. К. Палена, писал тому в донесении о существовании в Туркестанском крае тайной мусульманской организации, поставившей перед собой задачу путем открытия новометодных школ воспитывать мусульманское юношество на идеях создания в будущем мусульманского государства [16].

Интересна оценка М. С. Андреева конкуренции между старыми и новыми школами, которую он назвал «враждой старой и новой партий». В статье «Сартовская печать. Вражда новой и старой партий» [18] Андреев писал, что под давлением трех причин – русского культурного влияния, татарской прессы (татарского культурного влияния) и новометодных школ – мусульмане Туркестана раскололись на две партии: тараккинцев (прогрессистов) и приверженцев старого уклада. Тараккинцев было немного. Основу партии составляли бедная молодежь, учителя новометодных школ, приказчики, мелкие служащие, переводчики и т. д. В большинстве они владели русским языком и были хорошо знакомы с современной татарской литературой. Тараккинцы преследовали общекультурные цели: объявили войну косности, отсталости, фанатизму, вели борьбу со старыми обычаями и начали говорить о раскрепощении женщин. Свои идеи прогрессисты распространяли среди детей – через новометодные школы, среди взрослых – через газеты и театр. Основу старой партии составляли казии, мударрисы, муллы, имамы, домоллы старых школ, ишаны, баи и необразованные слои общества. Девиз этой партии – «неприкосновенность шариата и жизнь в неизменной чистоте по заветам отцов и прадедов» [18]. Андреев был убежденным сторонником постепенных и поэтапных реформ, но отдавал себе отчет в том, что ломка «с плеча старинного уклада туземной жизни» окажется в конечном итоге неэффективной, а для настоящих изменений нужно время [18].

Между тем туркестанская администрация, продолжая поиск ответа на вопрос, что делать с новометодными школами, изучала зарубежный опыт. По просьбе Туркестанского генерал-губернаторства Департамент духовных дел инославных исповеданий запросил у российских дипломатов информацию: как обстоят дела с конфессиональными мусульманскими школами в Британской Индии, Французском Алжире и Австро-Венгерской Боснии; осуществляется ли за

ними правительственный контроль и в чем он выражается; утверждаются ли кем-либо учебные программы и т. д. [1]. Выяснилось, что система конфессионального мусульманского образования в империях с поликонфессиональным населением везде контролировалась государством, причем значительно сильнее, чем в Российской империи образца 1910-х гг.

В течение 1911 г. недостающая законодательная и нормативная база для осуществления контроля за новометодными школами в Российской империи была разработана и принята Министерством народного просвещения и Государственной думой. Для ее применения в Туркестане в январе 1912 г. краевой администрацией были составлены основные правила: открытие новометодных мактабов с началами общеобразовательных знаний допускалось только с разрешения краевой инспекции народных училищ; учителя в школах должны были быть той же национальности, что и ученики; в новых школах рекомендовалось изучать русский язык; при открытии школ требовалось представить программы учебных курсов с обязательным указанием рекомендуемой учебной литературы к ним [2]. Эти правила, в которых видно совершенно объяснимое стремление власти упорядочить новые формы мусульманской школы, распространялись не только на открывающиеся, но и на уже существующие учебные заведения.

Согласно отчету Министерства народного просвещения за 1913 г. в Туркестане насчитывалось 6 022 мактабов из 9 723 имевшихся в империи, 445 медресе из 1064 действовавших по стране [17, с. 334]. Контроль над ними должен был кто-то осуществлять. Поэтому в 1913 г. между Главным инспектором народных училищ Туркестанского края и Департаментом народного просвещения Министерства народного просвещения империи велась переписка об учреждении в крае четырех новых должностей инспекторов училищ с целью усиления контроля над существующими школами.

Был еще один немаловажный нюанс: на мактабы и медресе в Туркестане не выделялись средства из государственного бюджета. Такое положение дел было логичным в рамках политики игнорирования ислама в Туркестане. Изменение политики и усиление контроля должны были привести и к появлению новой статьи государственных расходов в бюджетной росписи Туркестанского генерал-губернаторства. Так, в 1915 г. на нужды народного образования было выделено 1 084 082 руб., при общекраевом бюджете в 44 570 399 руб., что составляло 2 % [3, с. 68].

Туркестанская администрация не была противником новометодных школ в принципе. Ее настораживало лишь усиливавшееся с каждым днем влияние джадидов на умы и настроение коренного населения на фоне наметившейся тенденции к снижению в целом политической лояльности к русской власти в регионе. В свою очередь джадидов-мактабдаров настораживал неожиданно возникший контроль со стороны государства. Объяснить это можно, с одной стороны, традиционной закрытостью мусульманского общества и нежеланием допускать в вопросы воспитания иноверцев. С другой – нередко мактабдарам было что скрывать от государства: не всем и не всегда удавалось проводить грань между новаторскими методиками в области педагогики и антиправительственной деятельностью.

Начавшаяся Первая мировая война, боевые действия России на Кавказе против Османской Турции только усиливали опасения обнаружить в своем тылу, в том числе в Туркестане, пятую колонну противника. Не найдя однозначного ответа на вопрос: новометодные школы – это плохо или хорошо, краевая администрация сделала ставку на русско-туземные школы с одной стороны, и налаживание системы контроля за новометодными школами – с другой.

Новометодная школа глазами М. С. Андреева

В январе 1914 г. одна из четырех новых штатных должностей инспектора народных училищ Туркестана досталась Андрееву. Став инспектором народных училищ 2-го района Самаркандской области, он поселился в Ходженте (ныне г. Худжанд). В 1915 г. в газете «Туркестанские ведомости» вышла серия его статей, посвященных новометодным школам края. Однако в качестве примера Андреев использовал опыт не новометодных мактабов Ходжента, а школ ташкентского педагога-джагида Мунаввара Кары Абдурашидханова. Абдурашидханов для этих школ сам писал учебники и пособия: азбуку «Адиби аввал»,⁴ книгу для чтения «Адиби соний» для учащихся 2 класса, учебник «Ер юзи»; составил хрестоматию «Сабзор» для 3–4-х классов из произведений Мухаммадшарифа Суфизаде, Хамзы Хакимзаде Ниязи и других поэтов; перевел с татарского языка «Таджвид»; написал на узбекском языке и опубликовал учебник «Хаваджи диния». Он также являлся одним из авторов учебника узбекского языка для 2–5-х классов.

Среди перечисленных учебников особое значение имела книга «Адиби аввал» («Первый учитель»), напечатанная в типографии Арифджанова в Ташкенте и переизданная несколько раз. По своей сути это была азбука, в которой Мунаввар Кары Абдурашидханов расположил арабские буквы не в алфавитном порядке, а по легкости произношения и написания. «Адиби соний» («Второй учитель») объясняла проблемы воспитания и морали в тесной связи с шариатом и являлась логическим продолжением первой книги, но, в отличие от нее, использовала фольклор. В «Адиби соний» Мунаввар Кары Абдурашидханова впервые в Туркестане применил на практике метод наглядности, оформив книгу рисунками.

Мунаввар Кары Абдурашидханов одним из первых среди джагидов издал в 1908 г. и учебник «Ер юзи» («География» или «Природоведение») для учащихся 3–4-х классов. Этот учебник использовался в школах Узбекской ССР как основной до 1929 г. «Хаваджи диния» был написан в 1908 г. Основное назначение учебника – обучение учащихся 3–4-х классов религиозным правилам. Вторая часть книги называлась «Шариати исломия», и в ней излагались правила шариата [5, с. 169–170].

Учителя в новометодных школах фиксированного жалованья не получали. С учеников плата взималась с учетом возможностей родителей: от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. в месяц. Родители же приобретали учебники и школьные принадлежности. Ежемесячные траты в среднем составляли 15–20 коп. Четверть учащихся (дети бедняков) в новометодных школах обучалась бесплатно, получая от школы учебники, тетради и т. д. Такая благотворительность, как правило, поддерживалась состоятельными родителями других учеников.

В первом двухклассном мактабе Мунаввара Кары в Ташкенте обучалось 150 человек. Из них 80 – бесплатно. Плата за обучение приносила мактабу ежемесячно 75–80 руб. От ташкентского благотворительного мусульманского общества «Помощь» каждый месяц школа получала субсидию в размере 50 руб. Ежемесячные расходы по содержанию школы выглядели следующим образом: учитель русского языка получал 25 руб., законоучитель – 20 руб., преподаватель арабского и персидского языков – 15 руб., учитель грамоты в младших отделениях – 10 руб.; расход на учебные принадлежности для бедных детей составлял 5–6 руб. Оставшиеся 40–45 руб. Мунаввар Кары Абдурашидханов делил между собой и своими главными помощниками. Вознаграждение учителя новометодной школы в среднем составляло 20–30 руб. в месяц [19].

⁴ Здесь и далее названия приводятся в транслитерации М. С. Андреева.

Небольшой доход школы складывался и из добровольных пожертвований родителей богатых учеников и пожертвований состоятельных граждан. Все школьные торжества, выпускные и переводные экзамены, поездки учеников на саил⁵, приобретение парт, учебных пособий и т. д. оплачивались за счет именно этих поступлений.

В школу принимались дети от 8 до 12 лет. При поступлении обязательным было согласие не только родителей, но и самого ученика. Каждого поступавшего в школу знакомили со школьными правилами. За нарушение дисциплины и правил предусматривались наказания, но по сравнению со старой школой они были гуманными: легкий выговор, замечание, стояние в углу, оставление после уроков и лишь при тяжелых поступках удаление из школы. Оскорбления и побои строго воспрещались [20].

Еженедельно созывался педагогический совет, на котором обсуждались текущие вопросы школьной жизни. В каждом классе велся классный журнал, в котором отмечались отсутствующие и пройденное за день. В нем же ежемесячно проставлялись отметки за успеваемость по пятибалльной системе. В день проводилось не более пяти уроков. Занятия начинались с половины девятого и заканчивались в три часа. Продолжительность урока составляла 50 минут, перемены – 10 минут, а большая перемена длилась целый час. На большой перемене учащиеся обязательно во главе со своими учителями здесь же в школе на особой закрытой площадке совершали намаз. Учителя ежедневно по очереди дежурили в школе. В их обязанности входило наблюдение за оставленными после уроков за плохое поведение и успеваемость детьми. Также назначались дежурные ученики, которые следили за чистотой классов и подачей звонков. Сторожей в школах не было. Ученики сидели за 4-местными партами. Классы были оборудованы классными досками, столом и стулом для учителя.

Важнейшей частью новой системы обучения были единые для всех одноклассных новометодных мактабов учебные программы, составленные Мунавваром Кары на основе программ татарских школ центральной России, хотя и с небольшими изменениями и дополнениями. При составлении программы для двухклассной школы Абдурашидханов руководствовался программой двухклассного русского приходского училища. В одноклассных мактабах главным образом изучали родную грамоту, счет и вероучение, в двухклассных – добавлялись общеобразовательные предметы и обязательное ежедневное двухчасовое изучение русского языка. Как пробный предмет во всех классах новометодной школы Мунаввара Кары была введена гимнастика. Но родители выступили против, боясь, что их детей учат гимнастике для того, чтобы потом призвать в русскую армию, и Абдурашидханову пришлось отказаться от этого полезного предмета [19].

Учебная программа новометодной школы Абдурашидханова была максимально приближена к программе русских реальных училищ, которые стали для педагога образцом. Методика преподавания также была ближе к русской светской школе, чем к мусульманской религиозной. Особое внимание при анализе учебной программы новометодного мактаба Мунаввара Кары Андреев уделил наличию такого обязательного предмета, как пение [22]. По мнению Андреева, первоначально пение носило исключительно религиозный характер. Ученики пели речитативом под руководством домоллы главы из Корана, духовные стихи поэтов

⁵ *Саил* – праздник весны – у таджиков и узбеков Бухары, Самарканда, Ходжента, Ура-Тюбе. В этот день устраивались народные гуляния и собирались цветы (маки и тюльпаны).

Хувайдо, Машраба и др. Но постепенно содержание песен стало принимать все более и более светский характер.

Для ведения уроков пения в новометодных мактабах в 1909 г. Абдуллою Авлони был составлен особый сборник стихов-песен «Адабият», в который он включил произведения разных авторов. Во введении к «Адабият» Авлони писал: «Старая тенденция вести обучение родной грамоты по непонятным книгам – учебникам на персидском языке канула в Лету; на смену таким книгам явились учебники, отвечающие всем требованиям современной педагогики. Новые учебники скорее не только обучают родной грамоте, но и резко развивают умственно и нравственно и приобщают учащихся к мировой мусульманской культуре. Эти книги написаны Мунавваром Кары Абдурашидхановым. Вот они – “Адиби аввал”, “Адиби соний” и др. Учебники эти написаны прозой. Для знания же механизма стихотворной речи и вообще для знакомства с поэзией пока еще не существует особого учебника. Вот поэтому я издавал свой “Адабият”» [22].

Начинается сборник величанием Бога, Пророка, мактаба, книги. Потом идет целый ряд обращений к детям в форме назиданий и советов. В песнях пелось о том, что в Туркестане нет ревнителей науки, нет хороших школ, что мусульмане здесь невежественны и неспособны к пробуждению. Пели ученики сидя за партами. Обычно один из учеников с хорошим голосом солировал. По окончании куплета солистом все дети хором повторяли стихи. Каждая песня имела назначение: одни пелись при посещении мактаба, важным духовным лицом, другие – повседневно. Существовали школьные гимны, и каждый школьник, поступающий в мактаб, обязательно должен был выучить их. Были песни, посвященные «сартовскому народу». Андреев считал, что в стихотворениях из сборника, составленного Авлони, отразилось душевное настроение туркестанских мусульман. Народ пробуждался, в нем начинало «шевелиться национальное чувство», он тянулся к просвещению [22].

Для изучения персидского языка в школах Мунаввара Кары также были составлены специальная грамматика и хрестоматия. А вот для прохождения краткого курса физики, геометрии, гигиены, арабского языка отдельных учебников на узбекском языке еще не существовало. Эти предметы преподавались исключительно по руководствам, составленным на татарском языке для казанских и оренбургских новометодных мактабов. Большая часть книг была переведенна с русского на татарский язык [25].

Помимо огромного количества позитивных моментов, отмеченных Андреевым, было и то, что ему не понравилось в школе Мунаввара Кары как педагогу и чиновнику. Так, у Андреева возникли вопросы при посещении урока географии, который вел сам Мунаввар Кары Абдурашидханов. Учебниками служили две книги: Абдульрашида Фахриддинова «Расми джуагрофия» (Физическая география) на татарском языке, малопонятном, по мнению Андреева, ученикам, с рисунками, и учебник самого Мунаввара Кары «Ер юзи» («География») на узбекском языке.

Андреев поделился замечаниями относительно содержания учебника «Ер юзи»: «Говоря о самом незначительном государстве, например, о Судане или Алжире в Африке, Абдурашидханов прежде всего сообщает – правление в стране принадлежит тому-то; мусульман столько-то. Для автора как мусульманина эти данные самые главные. Своей книгой он хочет дать не только учебник географии вообще, но главным образом статистические сведения о численности мусульман всего мира, их местонахождении и подчинении тому-то. А это придает особую окраску всей книге и делает ее не только простым школьным учебником географии, но и каким-то мусульманским географическим справочником, дающим подробные

статистические сведения о всех мусульманах. Отсутствие рисунков для пояснения текста и шаблонный перечень только одних стран и государств, и притом с особой мусульманской подкладкой, делает учебник сухим, неинтересным и трудно усваиваемым» [23]. С точки зрения М. С. Андреева, такой учебник не может принести никакой пользы русским интересам в Туркестане, поскольку в нем о России говорится столько же, сколько о других государствах, притом эти сведения носят характер не географический, а лишь статистически справочный [23].

М. С. Андреев полагал, что выстраивание новометодных мактабов еще только начинается и с каждым годом будут появляться все новые и новые учебники и книги. Однако пока образцом для составления новых учебников служила татарская педагогическая литература [23]. Он не только делился с читателями «Туркестанских ведомостей» своими личными наблюдениями и оценками, но и давал возможность познакомиться со взглядами на новые школы самого медиатора этого дела в Туркестане – Мунаввара Кары Абдурашидханова.

В одной из статей М. С. Андреев передает содержание своей беседы с Абдурашидхановым. Мунаввар Кары Абдурашидханов рассказал о причинах, побудивших его заняться педагогикой и реформой системы образования: «...Несмотря на долголетнее изучение наук в медресе, я много необходимого для жизни не получил. Вот тогда на меня и напала мысль – найти лучший путь, который мог бы легко и скоро привести к познанию всего того, что изучается в медресе. ...Восемь лет тому назад вместе с учителями ...я начал школьное строительство новой мусульманской школы в Туркестане. ...На первых порах население недоверчиво относилось к новой школе. Влияла и пропаганда против нее мулл старых мактабов, от которых нам, учителям новометодных мактабов, много пришлось вынести. Но в дальнейшем, когда население убедилось, что в новометодном мактабе ничего плохого, противного заветам мусульманства не вводится и что в них дети их куда скорее научаются грамоте и получают хорошее развитие, – новометодные мактабы расползлись по всему краю и понемногу стали вытеснять школы старого типа» [25].

Для Мунаввара Кары Абдурашидханова М. С. Андреев был не простым любопытствующим. Он был инспектором народных училищ. Вероятно, не забывая об этом обстоятельстве ни на минуту, Мунаввар Кары Абдурашидханов не упустил возможности рассказать Андрееву-чиновнику, что для учеников старших классов при его мактабе открыт «русский класс» с программой курса русско-туземной школы и что для преподавания в этом классе приглашен русский учитель из русско-туземного училища. Выпускники школы Абдурашидханова могли работать учителями в новометодных мактабах или быть имамами в приходских мечетях, заниматься торговлей, быть приказчиками.

Главной задачей, которую предстояло решить, Мунаввар Кары Абдурашидханов считал написание новой учебной литературы. Отсутствовал учебник «сартовской грамматики», не было 3-й и 4-й частей хрестоматии, полноценного учебника по географии России и Туркестана, не было учебника по русской истории и истории Туркестана. Кроме этого – физику, геометрию, арабскую грамматику изучали по учебникам на татарском языке [25].

Не все новометодные школы были равноценными по качеству обучения. Туркестанские чиновники от образования признавали, что из всех джадидских школ по-настоящему новометодными можно считать только школы Абдурашидханова. М. С. Андреев неоднократно как инспектор посещал разные новометодные школы, но в качестве примера и некой модели новой образовательной системы, которая только зарождалась в крае, он выбрал именно мактаб Мунаввара Кары, подчеркивая, что основателем «новометодного мактабного дела в Туркестане нужно считать Абдурашидханова» [19].

Существование и развитие новометодных школ в Туркестане обуславливалось потребностями времени и населения. Лишь духовных знаний старой конфессиональной школы было уже недостаточно, жизнь требовала прикладных знаний. М. С. Андреев не сомневался, что в недалеком будущем новометодные школы по программе Мунаввара Кары вытеснят школы старого типа и займут главенствующее положение в сфере начального образования мусульман [25].

С другой стороны, М. С. Андреева серьезно беспокоило татарское влияние. Он считал, что само государство должно очертить траекторию развития мусульманского образования в крае. Но это не означало, что за джадидскими школами должен быть установлен полицейский надзор. Нужен не надзор, нужно «компетентное руководство», нужна помощь в выработке программ, в создании учебников, особенно по истории и географии [25]. «Пусть бы мактабы, – писал М. С. Андреев, – сразу почувствовали, что они уже не сироты, лишенные отцовского попечения» [25]. Главный вывод, к которому пришел М. С. Андреев, – новая мусульманская школа не враг и не конкурент, а союзник русской власти при наличии «компетентного руководства» со стороны государства.

Заключение

В начале XX в. туркестанское экспертное сообщество и имперская власть смотрели на новометодные школы через две разные оптики: власть – как на политическое явление, а чиновники министерства просвещения – как на новое явление в системе образования. Читая статьи Андреева, нельзя не проникнуться уважением к беспристрастной и взвешенной манере Михаила Степановича излагать и комментировать без какой-либо крайности в оценках увиденное в мактабе Абдурашидханова.

Проанализировав серию публицистических статей М. С. Андреева в газете «Туркестанские ведомости», мы можем говорить о появлении некой тенденции, которая в силу стечения исторических обстоятельств не смогла укрепиться и приобрести законченную политическую и педагогическую форму: относиться к новометодной мусульманской школе в Туркестане не как к врагу, с которым нужно беспощадно бороться, а как к явлению, которое не противоречило основным принципам общеимперской интеграции и модернизации Туркестана и которое можно было использовать для достижения цели.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1256. Л. 284.
2. АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1116. Л. 60.
3. Акрамова, Х. Ф. М. С. Андреев как инспектор народных училищ / Х. Ф. Акрамова // Сборник аспирантских работ кафедры истории СССР Тадж. гос. университета им. В. И. Ленина. – Душанбе: Б. и., 1968. – С. 43–68.
4. Акрамова, Х. Ф., Востоковед Михаил Степанович Андреев: (научно-биографический очерк) / Х. Ф. Акрамова, Н. М. Акрамов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 223 с.
5. Алимова, Д. А. История как история, история как наука. Феномен джадидизма. Т. 2. / Д. А. Алимова – Ташкент: «Узбекистан», 2009. – 180 с.
6. Арапов, Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д. Ю. Арапов. – М.: МПГУ, 2004. – 287 с.

7. Гафаров, Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д. ист. н. / Н. У. Гафаров – Душанбе: Б. и., 2013. – 46 с.
8. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 1116. Л. 70.
9. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 1116. Л. 70 об.
10. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18.
11. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 1260. Л. 11.
12. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 948. Л. 20.
13. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 2144. Л. 51.
14. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 57. Л. 605 об.
15. Расулов, А. Татары в Туркестане на изломе эпох. Начало XX века. / А. Расулов, А. Исокбоев, Д. Насретдинова. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 256 с.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1396. Оп. 1. Д. 391. Л. 82.
17. Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. – М.: Самотека, 2008. – 432 с.
18. Туркестанские ведомости. 5 октября 1915.
19. Туркестанские ведомости. 21 октября 1915.
20. Туркестанские ведомости. 23 октября 1915.
21. Туркестанские ведомости. 11 декабря 1915.
22. Туркестанские ведомости. 13 декабря 1915.
23. Туркестанские ведомости. 16 декабря 1915.
24. Туркестанские ведомости. 17 декабря 1915.
25. Туркестанские ведомости. 19 декабря 1915.
26. Халилова, З. Э. История реформирования мусульманского образования в имперском Туркестане: проблемы педагогики и подготовки национальных учебников / З. Э. Халилова // Минбар. Исламские исследования. 2022. Т. 15 (3). – С. 653–670.

References

1. *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Col. 147. Central Asian Dept. Ser. 485. F. 1256. Itm. 284 (in Russian).
2. *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Col. 147. Central Asian Dept. Ser. 485. F. 1116. Itm. 60 (in Russian).
3. Akramova, X. F. M. S. Andreev as an inspector of public schools. *Collection of postgraduate works of the Department of History of the USSR of Tajik State University named after V. I. Lenin*. Dushanbe: B. I., 1968. Pp. 43–68 (in Russian).
4. Akramova, H. *Orientalist Mikhail Stepanovich Andreev: scientific and biographical sketch*. Dushanbe: Irfon, 1973. 223 p. (in Russian).
5. Alimova, D.A. *History as history, history as a science. The phenomenon of Jadidism*. Vol. 2. Tashkent: Uzbekistan, 2009. 180 p. (in Russian).
6. Arapov, D.Y. *The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the 18th – early 20th centuries)*. Moscow: MPGU, 2004. 287 p. (in Russian).
7. Gafarov, N. U. *Jadidism in Central Asia in the late 19th – early 20th century*. Doctoral thesis / N. U. Gafarov. Dushanbe: B. I., 2013. 46 p. (in Russian).

8. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 1116. Itm. 70. (in Russian).
9. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 1116. Itm. 70 back side. (in Russian).
10. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 1260. Itm. 18. (in Russian).
11. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 1260. Itm. 11. (in Russian).
12. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 948. Itm. 20. (in Russian).
13. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 2144. Itm. 51. (in Russian).
14. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I-461. Turkestan district security office. Ser. 1. F. 57. Itm. 605 back side. (in Russian).
15. Rasulov, A. *Tatars in Turkestan on the break of epochs. Early 20th century*. Kazan: IYALI, 2021. 256 p. (in Russian).
16. *Russian State Historical Archive (RGIA)*. Col. 1396. Ser. 1. F. 391. Itm. 82. (in Russian).
17. *Russia on the eve of the First World War (Statistical and documentary reference book)*. Moscow: Samoteka, 2008. 432 p. (in Russian).
18. *Turkestanskije Vedomosti*. October 5, 1915.
19. *Turkestanskije Vedomosti*. October 21, 1915.
20. *Turkestanskije vedomosti*. October 23, 1915.
21. *Turkestanskije vedomosti*. December 11, 1915.
22. *Turkestanskije vedomosti*. December 13, 1915.
23. *Turkestanskije vedomosti*. December 16, 1915.
24. *Turkestanskije vedomosti*. December 17, 1915.
25. *Turkestanskije vedomosti*. December 19, 1915.
26. Khalilova Z. E. History of reforming Muslim education in imperial Turkestan: problems of pedagogy and preparation of national textbooks. *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Vol. 15 (3). Pp. 653–670. (in Russian).